

*Любая история, написанная КЪЕРТНИЕЙ, —
история выживания.*

*Но я сделала всё ради того, чтобы моя стала
чем-то ббльшим.*

*Оглядываясь назад, я вижу, как десятки чужих
историй сплетаются друг с другом, чтобы это
стало возможным.*

Некоторых из них я никогда не узнаю.

ЭРИК СТРОМ. ОХОТА.

Четвёртый месяц 723 г. от начала Стужи.

Они дважды проверили всё, как обычно, прежде чем подойти к зоне подготовки у развилки коридора, как всегда уводящего Эрика направо, а Рагну — налево.

— Ты меня видишь?

— Да. Ты меня?

— Да.

Эрик скользнул пальцами по её руке, проверяя разъём под кожей, а потом она сделала для него то же самое.

— У тебя новый эликсир, так? — Рагна, сощурившись, разглядывала шприц. От неё никогда ничего не ускользало.

— Да. Экспериментальный. Из рогов эвеньев и хаарьей желчи. Пока не испытан... Но кропарь, который дал мне его, сказал, что всё должно пройти как по маслу.

Рагна покачала головой.

— Мне это не нравится. Зачем ты всё время лезешь на рожон? В прошлый раз всё и так было отлично.

Он пожал плечами:

— Путь — это развитие. Развитие — это путь. Неужели тебе самой не любопытно?

— Любопытство? Я бы назвала это по-другому. Тягой к саморазрушению, например. Или попросту глупостью, — она всё равно нажала на поршень шприца, потому что ему было не с руки, как делала каждый раз перед охотой. Эрик судорожно вздохнул, поморщился.

— Да брось, — он потянулся, чувствуя, как новый эликсир растекается по венам, горячий, щекощущий, едкий. — Всё будет отлично. Я доверяю этому кропарю.

— Лучше бы ты мне так доверял. Я, в отличие от него, не даю самоубийственных советов.

— Тебе я доверяю больше, чем себе, и ты это знаешь.

Она кивнула и протянула ему руку разъемом вверх.

— Мне как обычно.

Некоторое время они посидели рядом, оперевшись друг на друга, ожидая, пока эликсиры подействуют, а препараты в их телах запоют, откликаясь на горячий разгон крови, быстрее бегущей по жилам.

Вдруг Рагна коснулась его руки, и он крепко сжал в ответ её пальцы.

— У меня дурное предчувствие, — тихо сказала она. — И в последнее время оно, знаешь ли, усиливается.

— Не о чем волноваться, — откликнулся он, хотя вовсе не был в этом так уж уверен. — Всё будет, как обычно. Мы всё проверили. И...

— Я не об этом. — Рагна на него смотрела. Её глаза, синий и золотистый, были устремлены куда-то вбок, как будто там, на белой стене, творилось что-то, что не дано было разглядеть никому, кроме неё. — Я о том, что творится в последнее время, Эрик.

Он молчал — не хотел обижать её ложью.

— Я не знаю, куда ты ведёшь нас, — продолжила она, — и чего добиваешься. Я никогда не задаю вопросов. Ты — мой ястреб так долго...

— Четыре года.

— Для препаратора — целая жизнь, — возразила Рагна с несвойственной ей серьёзностью. — Я верю тебе. И никогда не задавала вопросов. Но... Теперь я беспокоюсь за нас обоих. Скажи мне, что я волнуюсь зря. Скажи, что беспокоиться не о чем.

Эрик молчал, и она вздохнула:

— Почему-то я так и думала.

Они ещё немного посидели молча, прижимаясь друг к другу, и Эрик подумал, что наслаждается её запахом так, как наслаждался бы, наверное, запахом матери — близким, привычным. Запахом дома.

Ей — и только ей — ему хотелось сказать как можно больше.

— Мне хотелось бы сказать тебе как можно больше. Но...

— Как всегда «но», — проворчала она, пихая его в бок и роняя голову ему на плечо. — Стром, всё это тянется слишком давно. Ты сам это знаешь. Я насчитала уже три случая, когда ты повёл нас туда, где не было и не могло быть снитиров.

— Все иногда ошибаются.

— Ты никогда не ошибался.

— Видимо, я начинаю стареть. Или, может, препараты влияют на мой мозг?

Она закатила глаза.

— Работа твоего мозга определённо всегда вызывала у меня опасения, но препараты тут не при чём. В тебе их меньше, чем во мне, раза в три. Я вообще не знаю никого, кому всё это давалось бы легче, чем тебе, и это ты тоже знаешь.

Эрик удержался от реакции на это «легче». Рагна знала его слишком хорошо, и это была не первая её — и далеко не самая удачная — провокация в попытке узнать, какую цену он платит за своё исключительное *усвоение*.

— Стром, в Стуже мы ходим не туда, куда нужно, а в Химмельборге, наоборот, стали вести себя неожиданно прилично. Тише весеннего снежка. С чего бы это?

— Мне казалось, приличное поведение пошло нам обоим на пользу.

Она с наслаждением потянулась, и он услышал, как ус вала в её левой руке, туго переплетённый с венами, негромко гудит, запоздало отвечая на зов эликсиров.

— Есть немного. Я говорила, что завтра вечером встречаюсь с Хасаром? Это будет уже в третий раз.

— Звучит как серьёзные отношения.

Рагна снова пихнула его в бок:

— Не смейся. Может, и так. Служба закончится. Уйду в отставку. Заведём маленький дом в пригороде. Белые цветы... — её язык слегка заплетался. Тело настраивалось и перестраивалось — рассыпалось, чтобы уже скоро собраться воедино вновь — сильным, неуязвимым.

Эрик сильно сомневался в том, что мечте о белых цветах в пригородном палисаднике суждено сбыться. Совсем не потому, что Хасар должен был непременно оказаться таким же козлом, как все, в кого его охотнице не посчастливилось влюбиться — непобедимая, уверенная, расчётливая на тренировках и в Стуже, в столице, среди людей она, как по волшебству превращалась в робкую и неуверенную в себе недотёпу — или тем более не потому, что не верил в Рагнины силы. Она — определённо из тех, кому Стужа покорилась, но вряд ли из тех, кто сумеет от Стужи уйти.

— Я буду очень скучать по тебе. Интересно, мне можно будет навещать вас?

— А то.

— Все твои мужчины меня недолюбливают. Хасар исключение?

Конечно, время от времени они с Рагной спали друг с другом. Чаще всего — возвращаясь из особенно плохих переделок в Стуже. То, что тогда случалось между ними, было совсем не похоже

на любовь — вряд ли это вообще мог бы понять хоть кто-то, ни разу не бывавший в Стуже.

Ревновать там было не к чему — Эрик был бы счастлив, найди Рагна кого-то особенного. В отличие от него, она-то всегда к этому стремилась, несмотря на препараты, эликсиры, Стужу, постоянную боль, тренировки, на то, что медленно, но верно происходило с её телом. Несмотря ни на что.

И всё же — на месте её мужчин — он бы тоже ревновал Рагну. Они с Рагной были незаменимы друг для друга в стольких смыслах уже давно. Такое и вправду невозможно повторить с кем-то ещё.

— Хасару я про тебя особо не распротра... Распространяюсь.

— Ты уже почти готова. Голова не кружится? Скоро идти.

— Ты опять заговорил мне зубы. Как всегда. — Она хихикнула, а потом вдруг разом посерьёзнела — эликсир разошёлся по её телу, и взгляд стал жёстким, цепким, колючим, каким не бывал за пределами распределителей и Стужи.

— Стром, скажи мне правду. Что ты... — она помедлила. — Что *мы* ищем в Стуже?

Итак, вот оно. Рагна открыто предложила ему союз. Союз, который он сам предложил бы ей давным-давно — ничего ему не хотелось больше, чем посвятить её во все свои мысли, ни один союзник не был ему нужнее — если бы не то, из какой семьи она происходила.

Рагна никогда не гордилась родством, которым хвастал бы напрапалую любой другой, почти не поддерживала связей с семьёй... И всё же, если дойдёт до дела, что окажется для неё важнее — кровь или союз препараторов?

Он стал слишком подозрительным, слишком недоверчивым? Возможно. Но Эрик Стром не мог рисковать, не будучи абсолютно уверенным в ответе.

Она вздохнула, и он почувствовал, как плечу стало холодно без тёплой тяжести её головы.

— Ты не доверяешь мне даже после всего того дерьма, через которое мы годами проходим вместе. Это... Обидно.

— Это не так.

— Это так. — Она покачала головой. — Что бы ты ни делал, чего бы ни искал, ты не можешь бесконечно справляться со всем один, Стром. Однажды ты это поймёшь.

Он вдруг посмотрел на Рагну, как будто впервые.

От глаза орма по коже расходятся тонкие золотистые лучи, как будто зрачок запрятан в глубину маленького яркого солнца. Обе руки, от кистей до локтя, испещрены узорами — пятнами, идущими от разёма, изгибами валового уса, чёрными брызгами эвеньевых жил. Эрик знал, что такие же чёрные жилы туго переплелились под её правой грудью, что под коленом, если знать, где коснуться, вечно еле заметно вибрирует частица бьерана, убитого ими годы назад. Помнил очертания татуировки, сделанной кровью ревки, — путеводной звезды, знака ястребов и охотников, который они набили вместе на исходе их первого общего года. Знал, где искать шрамы в тех местах, где препараты не прижились или начали отторгаться через время — белые одинаковые аккуратные стежки, такие же, как и у него самого: ими занимался один кропаль, ушедший теперь в отставку.

Он представлял её голой без возбуждения или стыда — только с чувством глубокой печали.

Хасар, снявший с неё одежду — Рагне нравилось, когда её раздевали — изучал её тело, как диковинку? Чувствовал ли он болезненное, гадливое возбуждение, похожее на возбуждение мальчишки, представляющего одинокими ночами всякую грязь? Рассказывал ли друзьям о том, что теперь спит с охотницей?

Эрику не раз приходилось удовлетворять чужое любопытство такого рода. Он знал, каково это, — но это никогда не ранило его глубоко. Он-то, в отличие от Рагны, не искал ни сочувствия, ни нежности, ни тем более любви.

Эрик с трудом поднялся — в нём самом эликсиры всё ещё бурлили, прокладывая тайные тропы в теле, изучая его и друг друга — и, нашарив Рагнину руку, сжал в своей.

— Ты права, — сказал он ласково, про себя подумав: «Глупо будет, если я и вправду совершаю ошибку». — Прости. Мы по-

говорим, когда вернёмся. И я расскажу... То, что ты хочешь узнать. По рукам?

Она кивнула — мигнуло солнышко на её лице.

— По рукам, Стром.

Он и не ожидал, что ему сразу станет настолько легче — как будто тяжесть упала с плеч. До этого момента Эрик и не осознавал, как сильно в глубине души хотел довериться ей.

— Тогда — двух дорог и горячего сердца.

— Двух дорог и горячего сердца.

Новые рекруты редко прощались так, но они с Рагной отдавали должное старым традициям. С чего бы годами приносившим удачу ритуалам перестать работать сейчас?

Эрик привык думать о себе — да и о ней — как о глубоких стариках, хотя ни один из них пока не перешагнул порог тридцатилетия. Ещё одна издержка жизни препаратора — одна из десятков других.

— Мы с тобой — как старые супруги, правда, Стром? — сказала она, будто прочитав его мысли. — Может, это с тобой мне надо задуматься о домике в отставке, а?

— Может быть. — Он в последний раз проверил её разъём, свой разъём, *увидел* её — Рагна связь уже открыла — и взъерошил её короткие светлые волосы. — Ладно. Увидимся на той стороне.

— Да. Выход тридцать один.

— Тридцать один.

Она ни разу не оглянулась, идя по рукаву коридора, ведущего к площадке, с которой охотников забирали, чтобы отвезти ко входу в Стужу. Рагна была профессионалом — он учил её сам — и Эрик знал, что она уже не думает ни о нём, ни об их разговоре.

Сам он несколько раз глубоко вдохнул, выравнивая сердечный ритм, прикрыл глаза, погружая мир в полумрак, и зашагал по своему рукаву. Его путь лежал к лётному залу — каждая пара охотник-ястреб всегда приходила на охоту по заранее заданным коридорам и в заранее оговорённое время. Паре нужно было сонастроиться, и не стоило мешать друг другу.

Но теперь пора встретиться с другими ястребами, которым предстояла сегодня охота. Чем ближе Эрик Стром подходил к лётному залу, тем лучше слышал ровный деловитый гул — бормотание кропарей, чей-то нервный смех, жужжание инструментов, специфический звук капсул, больше всего похожий на тихое всхлипывание.

Он почувствовал знакомый зуд, горьковатое, терпкое возбуждение. Запах его тела изменился. Зрачки расширились. Волосы на теле и голове приподнялись, и по коже побежали мурашки.

Иногда он ненавидел себя за то, до какой степени любил всё это.

— Стром! Капсула тридцать один.

— Иду.

Новый кропарь — полный, неповоротливый, с постоянной одышкой — помахал рукой, похожей на связку колбасок.

— Как самочувствие?

— Полный порядок.

— Что-то новое в составе?

— Нет, — Стром соврал, не моргнув глазом. Его прежнего кропаря провести было бы куда труднее, но с этим они были знакомы слишком недолго и пока не успели друг друга изучить. Не слишком хорошо для охоты — но у всего есть две стороны.

— Хорошо, хорошо. — Пухлые пальцы одной руки с неожиданным проворством бегали по кнопкам на панели капсулы, пока другая деловито ощупывала разъём, мерила пульс, прикладывала трубку к сердцу. — Всё хорошо. Пульс немного учащённый... Ты нервничаешь?

— Нет.

Прошлый кропарь не стал бы об этом спрашивать. Стром никогда не нервничал перед тем, как отправиться в Стужу.

— Принимал какие-то лекарства? Снисс? Другой алкоголь?

— Нет.

Кропарь оторвался от кнопок и сделал пару пометок в блокноте. Кажется, он колебался, но всё же кивнул.

— Всё в порядке. Можешь проходить.

В лётном зале было прохладно, и Эрик привычно поёжился, снимая камзол, рубашку, сапоги, штаны и, наконец, бельё. Слева от него раздевалась пышногрудая ястреб по имени Лоис, с которой они пытались сработаться лет пять назад, и с тех пор не ладили. Эрик отогнал от себя мысль взглянуть разок на её грудь — скорее из вредности, чем из любопытства. В лётном зале препараты не смотрели друг на друга — это было не принято. Каждый был сосредоточен на предстоящей охоте.

Зато взгляды кропарей, цепкие и липкие, мелькали, казалось, повсюду. Они то и дело останавливались не только на своих ястребах, но и на чужих. За указание на чужой просчёт полагалась премия — и кропари совершенно не стеснялись высматривать ошибки в работе друг друга. Слишком высока была у этих ошибок цена.

Кропаль Строма закрепил несколько уловителей у него на теле, пристегнул трубку к разъёму.

Капсула приглашающе всхлипнула, почувствовав приближение ястреба. Она была сделана из огромного валового желудка, покоившегося на постаменте из костей вурров, бьеранов, эвеньев. Жилы мелких снитиров пронизывали стенки капсулы, как реки — поверхность старой карты. Несколько впаянных в неё поверху целиком элемеров — все называли их попросту «птичками» — тянули к Эрику свои мёртвые головки, разевали клювы, как будто им тоже не терпелось начать охоту.

В боку капсулы, как открывшиеся навстречу поцелую большие влажные губы, прорезалась щель. Каждый раз, готовясь к охоте, он представлял, будто заново забирается в материнское лоно — чтобы потом, вернувшись живым и с добычей, родиться заново.

Однажды он поделился этим с Рагной и она сказала, что ему нужно меньше думать об этом за пределами Стужи.

В этом и была разница между ними. Для него мира за пределами Стужи никогда по-настоящему не существовало. Весь мир был частью Стужи, пока она владела материком. Не наоборот.

Внутри капсулы было тепло, даже жарко, и Эрик лёг поудобнее, стараясь не смотреть в сторону кропяря, внимательно поглядывающего то на него, то на показания экрана и огоньки кнопок на панели.

Капсула снова всхлипнула, закрываясь, и начала источать нежную слизь, такую лёгкую, что, прикасаясь к коже, она напоминала пар в бане. Остро запахло рыбой и свежескошенной травой. Капсула заполнялась стремительно, и Эрик открыл рот, позволяя слизи скользнуть внутрь, заполнить его целиком. Прикрыв глаза, он представлял себе, как она заполняет носоглотку, движется по пищеводу, оседает в желудке. Он задышал размеренно и глубоко, отдаваясь, растворяясь в пространстве капсулы. Мыслей не осталось. Его как будто больше не существовало — возможно, именно за это он любил — и ненавидел — охоту больше всего.

Не было уже ни лётного зала, ни потеющего кропяря, ни всего центра препараторов, ни Химмельборга, ни Кьертании. Только Стужа, открывшая ему объятия...

И он полетел к ней.

Сначала, как всегда, было темно. Неестественная чернота — такой не добиться, даже занавесив все окна в комнате, даже изо всех сил зажмурив глаза.

Эрик Стром летел сквозь эту черноту, растворённый в ней, пока не чувствуя чьего бы то ни было присутствия — что уж там, даже своего. Он был ветром, холодным ветром, вихрем снежинок, звоном льда, ледяной волной, навсегда застывшей на пике полёта.

Некоторое время он двигался в тишине, а потом мир вокруг наполнили звуки — Стужа жила, дышала, пела, и этого не мог знать никто из тех, кто видел её только издалека, кто никогда не входил в неё — и не впускал её в ответ.

Сквозь тьму проступили первые контуры, очертания, лёгкие мазки мира Стужи. Уходящие в бесконечность ледяные горы и реки, холмы, окутанные снегом, груды прозрачных звонких льдинок, певуче катящихся друг за другом от малейшего движе-

ния ветерка. Все оттенки белого — не бывавший внутри Стужи не знает, что у белого вообще существует столько оттенков.

И серебрение — лёгкое звёздное мерцание на всём вокруг, отличающее слой Души.

Эрик осторожно опустился на снег — снег не скрипнул, не просел так, как на слое Мира, куда выходили охотники. Теперь он чувствовал себя — видел свои ноги и руки, моргал, дышал. Он чувствовал даже сведённые брови — так, как будто всё это было настоящим, телесным.

Ему не было холодно. Отделившемуся от тела призраку не страшен даже самый жестокий мороз Стужи. Впрочем, и для него здесь хватало угроз, не прощающих ошибок, — ошибок, отвечать за которые придётся беззащитному телу, плавающему сейчас в лёгкой зелёной слизи, пахнущей рыбой и травой.

Эрик Стром потянулся, чувствуя, как где-то там, далеко, в жилах поёт и струится эликсир — его призрачная тень плавала сейчас в невидимых венах.

Он знал, куда идти. Но сначала нужно было найти её.

«Рагна. Рагна. Рагна».

Он повторял её имя снова и снова, нараспев, — не ртом, а всем своим прозрачным телом, которое словно бы стало резонатором, пропускающим через себя чужой зов.

Глаз орма в глазнице потеплел. Она откликнулась.

«Стром. Стром. Стром».

Теперь он видел ещё один слой Стужи — тот, что могла видеть в настоящий момент его охотница.

Это было то самое, о чём его постоянно расспрашивали богатые бездельники на балах и светских собраниях.

«Каково это — видеть два слоя Стужи одновременно, а находиться только в одном?»

Даже если бы он хотел объяснить это чувство кому-то из них, у него вряд ли бы получилось.

Он видел руки и ноги Рагны, чувствовал, как вздымается её грудь, как мёрзнет и разгорается румянцем её лицо, как

тяжело ей двигаться под трудом, с сумкой и плащом, как её ноги с каждым шагом глубже проваливаются в снег.

Будь он здесь физически, он мог бы коснуться её рукой. Слои Души и Мира никогда не сходились один в один, но расхождение было несущественным.

Ястреб мог видеть оба слоя — её и своими глазами — и они могли говорить, хотя и разговор этот не был похож на обычную речь. Их мысли текли, как вода, соприкасаясь друг с другом. Эрик скорее чувствовал мысли Рагны, чем слышал, время от времени выхватывая отдельное, самое важное.

Сам он тоже не забывал выделять, *подсвечивать* то, что было необходимо донести до Рагны.

«В сторону тридцать третьей. Тридцать третьей».

Она послушно двинулась туда, куда он сказал. Ему, его особым призрачным зрением, на своём слое было видно значительно больше, чем ей — на своём. Эрик видел мерцающие вдали души ревок — очень много, целая стая, но далеко, для Рагны не опасно. Ещё дальше, у самой линии горизонта, змеился сияющий след вала — он быстро шёл глубоко под снегом, время от времени выбрасывая вверх фонтаны мелких льдинок, острых, как бритва. Эти фонтаны были куда опаснее самого вала — самого крупного, но и самого миролюбивого из обитателей Стужи.

Сегодня вал их не интересовал, и Эрик двинулся дальше, не забывая слушать и *видеть* Рагну.

«Бьераны?»

«Нет».

Маловероятно, но возможно — Рагна могла заметить нужную добычу первой. Душа зверя могла на время спрятаться в тело, и тогда оказывалась бы недоступна ястребу на его слое.

Они двигались вбок и вглубь — по дорогам, прочерченным подземными течениями дравта, не нанесёнными ни на одну карту.

Конечно, попытки составить карты Стужи предпринимались с завидным постоянством — но постоянное изменение течений и рельефа позволяло расставлять лишь приблизительные вешки,

по которым они двигались сейчас. Рагна — продумывая каждый шаг. Он сам — внимательно всматриваясь в мерцающие движения дравта глубоко под землёй своим призрачным зрением в надежде вовремя предупредить её, если понадобится.

Увы, возможности зрения ястребов на слое Души были ограничены — и даже ему, с его исключительными способностями, приходилось ошибаться, как бы Рагне ни хотелось верить в обратное.

Но сейчас думать об этом не стоило. Они двигались в глубь Стужи, ястреб и его охотница, и Стужа приветствовала их треском наста, звоном льда, далёким бормотанием зверя.

Они шли долго — до сих пор, даже годы спустя, труднее всего из прочего в Стуже Эрику Строму давалось понимание того, как долго он в ней находится. Проще всего было сверяться с ощущениями охотника.

Рагне приходилось сейчас труднее, чем ему — она шла через снега Стужи в своей физической форме, и, хотя ощущения притуплялись препаратами и эликсирами, чувствовала и холод, и боль. Его черёд расплачиваться наступит позднее — когда он откроет глаза в капсуле из валового желудка.

Они миновали пятидесятую вешку. Прошли озеро Плач — один из немногих ориентиров, не менявших своё положение уже многие годы. Миновали Расколотый лес. Деревьев там, разумеется, никаких не было, но вставшие дыбом тонкие иглы льда высотой в три человеческих роста напоминали о них. Под Расколотым лесом вечно что-то тряслось, взрывалось, содрогалось где-то в земляных недрах, и границы и форма «леса» всё время менялись. Ещё одна проблема с ним — на слое Души он постоянно «гулял» туда-сюда, не желая полностью совпадать с Миром. Из-за этого следить за обоими слоями одновременно тут было очень трудно — даже из состояния относительного покоя.

Кажется, даже снитирам, плоть от плоти этого ненадёжного и вечно меняющегося мира, Расколотый лес был не по вкусу. Стайки элемеров и одинокие ревки — вот и все, кого там можно

было встретить. Но сейчас Эрик не видел никакого свечения. Возможно, в глубине — но сейчас это его не интересовало.

Рагна обходила лес по широкой дуге — приближаться к нему было бессмысленно, лишний риск.

«Стром».

«Рагна».

Эта переключка не имела никакого смысла. Рагна и без того знала, что он всё ещё здесь — чувствовала его присутствие своим пульсирующим нагретым левым глазом.

И всё же время от времени они окликали друг друга, не сговариваясь, не объясняя.

Я здесь. Ты не один.

Он вдруг вспомнил, как когда они только начинали ходить в Стужу в паре, она сказала: «Совершенно несправедливо, что ты видишь оба слоя через меня, а я через тебя — нет».

Тогда он отозвался: «Если бы кропари и механикеры сделали что-то с этой несправедливостью, мы, безусловно, стали бы непобедимы. Но до тех пор — работаем с тем, что есть».

В то время оба они верили, что до этого торжества прогресса — всего шаг, потому что каждая газета в Химмельборге пестрила сообщениями о новых и новых успехах экспериментальных методов. Но прошли годы, а новые впечатляющие разработки в этой области так и остались буквами на бумаге.

По докладам, исправно делаемымся Десяти, Эрик знал, что некоторые кропари и механикеры не сдаются — но сам он давно уже не верил в их успех.

«Обойди глыбу слева. Справа — души эвеньев».

Их было много, пара десятков, не меньше — тела должны были находиться где-то неподалёку, хотя Эрик пока не видел их глазами Рагны. Охотиться на такое стадо парой, не отделив от него добычу, было самоубийственной затеей — кроме того, сегодня Эрик и Рагна пришли не за ними.

Рагна послушно повернула влево — быстрее, чем он успел до конца *высветить* мысль. С каждой новой охотой они чувствовали друг друга всё лучше, и Эрику досадно было думать